

Распространение ислама в Дагестане

А.Р. Шихсаидов

На основе анализа и обобщения многообразных исторических источников, новейшей литературы раскрывается сущность, основные этапы, социально-экономические, культурно-духовные и идеологические последствия распространения ислама в средневековом Дагестане.

Ключевые слова: средневековый Дагестан, военные походы арабов, ислам, мактабы, медресе, памятники культовой архитектуры Дагестана, фикх, хади-соведение, суфийская и историческая литература

The author gives a thorough analysis and generalization of diverse historical sources and the newest literature. The article describes the main points, basic stages, social and economic, cultural and ideological consequences of spread of Islam in medieval Dagestan.

Keywords: medieval Dagestan, military campaigns of Arabs, Islam, mak-tabs, madrasah, monuments of cult architecture in Dagestan, fikh, Hadithat, Sufi and historical literature

Ислам в Дагестане имеет более чем тринадцативековую историю. Все это время он оказывал влияние на все сферы жизни дагестанского общества: социальной, экономической, культурной, идеологической. Особенно заметна была его роль в средневековом обществе. Трудно найти сколько-нибудь важный вопрос истории и культуры средневекового Дагестана, при исследовании которого можно было бы не учитывать исламизацию. Арабская колонизация, проникновение в Дагестан арабского языка и проблема местных языков; ислам и языческие верования; земельные отношения и социальная жизнь; культурные контакты с народами Переднего Востока и Средней Азии; памятники письменной культуры, становление местной арабо-мусульманской литературы, хронологии – это только часть научных проблем, изучение и освещение которых немислимо в отрыве от «мусульманского контекста». Ислам распространился по всему Дагестану, стал не только основной религией, но и культурой, и образом жизни. Ряд обстоятельств, приведших к исламизации, определили устойчивый характер и своеобразие новой, монотеистической религии, пришедшей на смену конфессиональному плюрализму. Речь идет о комплексе внутри- и внешнеполитических факторов, содействовавших приходу и утверждению новой цивилизации как историко-культурного феномена, уверенно занявшего место господствовавших ранее языческих представлений, а также христианства, имевшего сильные позиции в ряде отдельных районов.

Этот беспрецедентный по хронологическим параметрам процесс затянулся на целое десятилетие на небольшой территории Северо-Восточного Кавказа, где разместились дюжина государственных единиц – самостоя-

тельных этнополитических структур. Лишь к концу XVI в. ислам приобрел статус официальной религии во всех дагестанских феодальных владениях и многочисленных союзах сельских общин. Внешнеполитические силы (арабы, тюрки, особенно тюрки-сельджуки, монголы, Тимур, Иран, Турция) настойчиво и последовательно (практически беспрерывно) проводили политику исламизации. Получилось так, что на всех этапах внедрения новой религиозной системы устойчивые и наиболее прочные позиции заняла в Дагестане шафиитская религиозно-правовая школа суннизма. Началась многовековая полоса тесных взаимоотношений, переплетения шариата и местных обычно-правовых норм, традиций, обычаев, их взаимной адаптации. В правовой культуре Дагестана обычно-правовые нормы (*адат*) сохранили довольно сильные позиции. Как указывают исследователи истории ислама в России, сращивание нормативного ислама с местным духовным субстратом разных культур привело к сложению региональных форм его бытования, однако, на общеисламские принципы. В Дагестане, в частности, четко прослеживаются сильнейшие позиции суфизма, выступавшего здесь форма бытования ислама.

Можно выделить несколько этапов исламизационного процесса, вернее, истории ислама в Дагестане: VII – первая половина X в.; вторая половина X – XVI в.; XVII–XVIII вв.; XIX – начало XX в.; 20-е – начало 80-х годов XX в.; вторая половина 80-х годов XX в. – настоящее время.

При этом каждый из хронологических периодов имеет свои неповторимые особенности. Если во время первых двух этапов происходило распространение ислама вширь, то в последующие два шли более глубинные процессы – утверждение новых идей, вторжение их в быт и сознание, укрепление взаимодействия шариата и обычно-правовых норм, в частности в сфере семейного, наследственного, земельного права. Что касается последующих этапов, а именно XVIII–XIX вв., а также начала XX в., то здесь налицо усиление влияния ислама на все сферы жизни и деятельности дагестанского общества – культуру, образование, земельные отношения, политику. 20 – начало 80-х годов XX в. вошли в историю как эпоха торжества воинствующего атеизма и упадка религиозной культуры, подрубившая корни религии, сидевшие, казалось бы, глубоко в дагестанской почве. Конец XX в. характеризуется мощной реисламизационной волной, охватившей всю территорию прежнего распространения ислама в бывшем Советском Союзе. Дагестан не является исключением. Строительство сотен и сотен новых мечетей, открытие многочисленных медресе и мактабов, выпуск массовыми тиражами популярных религиозных книг, небывалый интерес к Корану, коранической литературе, арабскому языку – все это стало повсеместным явлением. Возращение к исламским ценностям воспринимается как важнейший историко-культурный процесс, неразрывно связанный с национальным возрождением дагестанских народов и их национальных культур ценностей.

Исламизация Дагестана представляет собой часть важнейшего процесса формирования общего пространства исламского мира в ходе межцивилизаци-

ционного воздействия. Имеющийся фактический материал дает возможность не только говорить об особенностях исламизационного процесса, но и определить место и роль мусульманской общности на всех этапах проникновения и утверждения исламского мира.

Начальный этап распространения ислама в Дагестане связан, как известно, прежде всего с арабскими завоеваниями.

Арабское влияние на хозяйственную структуру дагестанского общества, сферу земельных отношений, религии содействовало дальнейшему развитию социальных отношений, способствовало упрочению раннефеодального общества. В основе этого процесса лежит синтез двух параллельно развивавшихся и взаимосвязанных факторов: внутреннее развитие и разложение сельской общины, ее социальное расслоение, с одной стороны, и активное воздействие классовообразующих процессов, происходивших в Арабском халифате, с другой. Сложившаяся после арабских завоеваний внешнеполитическая ситуация благоприятствовала усилению южной ориентации, сложению тесных контактов со странами Ближнего Востока.

Арабский халифат сыграл важнейшую роль в истории многих народов, оказавшихся в сфере влияния исламского мира. Именно в Халифате «процесс взаимодействия различных цивилизаций породил новую высокоразвитую культуру, языком которой стал арабский, а идеологической основой – ислам, новая монотеистическая религия со своеобразной системой этико-правовых представлений и религиозно-политических институтов, зародившаяся в ходе арабских завоеваний. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперед определила пути развития народов, исповедовавших ислам, сказываясь в жизни и до сего дня» [17, с. 3].

Движущие силы арабо-мусульманской культуры – арабский язык и ислам – проникли в Дагестан в результате завоевательных походов арабов и стали составной частью культуры дагестанских народов, сыграв огромную роль в формировании духовной культуры и нравственных критериев.

Как известно, арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам к этому времени утвердился приблизительно на пятой части территории региона. В X–XVI вв. ислам медленно, но уверенно продолжал распространяться по всему Дагестану. Политические и культурные факторы оказались здесь более эффективными, нежели военные акции и различные формы экономического давления.

Как развивавшиеся в Дагестане раннефеодальные отношения, так и интересы государства нашли в исламе идеологическую опору, значение которой быстро было осознано всеми слоями общества. Сообщения источников о местных правителях, первыми принявших монотеистические религии, хорошо иллюстрируют это положение [25, с. 121–126; 42; 43]. Вместе с тем следует отметить, что представители местной историографии того времени освещают события в Дагестане в VIII в., преувеличивая вслед за арабскими авторами успехи в исламизации дагестанских обществ. Арабский историк Аль-Якуби писал, что дагестанские владения, как правило, без боя прини-

мали арабов и заключали с ними мирные договоры [47, с. 7]. Абу Хамид Аль-Гарнати, бывший в 1131 г. проездом в Дагестане, писал о знаменитом арабском полководце Масламе ибн-Абдулмалике: «... приняли из его рук ислам многочисленные народы, в т. ч. лакзан, и филан, и хайдак, и заклан, и гумик, и дархах...» [37, с. 49]. Составитель «Дербент-наме» (азербайджанский список) утверждает, что жители Тарки, Анджикала, Дербента, Казикумуха, Табасарана, «народ Тау» и население Аварики приняли ислам почти без сопротивления [3, с. 544–545], благодаря деятельности Масламы.

Арабский список «Дербент-наме» также свидетельствует о триумфальном шествии по Дагестану Масламы, который «отправился в вилайат Кумук, сражался с его жителями, нанес им поражение, убил их правителя (*кабир*). Тем, кто принял ислам, он назначил добычу. Он построил в городе (*балда*) Кумук мечеть, назначил над ним, а также над другими областями Дагестана хакима... Затем он вернулся в вилайат Хайдак, сражался с его жителями, убил их хакима, обложил поземельным налогом (*харадж*) тех, кто принял ислам, убил тех, кто не принял ислам, и разделил их имущество среди участников сражения, назначил хакима над ними из своей родни... Затем он отправился в вилайат Табасаран, сразился с ними ожесточенно, нанес им поражение и убил их правителя, пощадил тех, кто принял ислам, взял имущество тех, кто не принял ислам, и убил их, разделили их имущество среди воинов. Он назначил над ними хорошего хакима... вместе с ним двух кадиев, чтобы они решали дела по шариату» [39, с. 37–38].

В действительности же исламизация Дагестана была длительным и сложным процессом. Али Гасанов, переводчик сочинения Гасана Алкадари «Асары Дагестан», писал: «Вероятно, кое-где (например, в Дербенте, в предгорьях Кюринского округа, Табасарана, Кайтака и вообще на плоскости) арабы действительно построили мечети и поставили кадиев и правителей. Но чтобы в VIII в. могли это сделать в Акуша, в Хунзахе, Кумухе или даже в Ахтах, этому трудно поверить. Все это они могли сделать на два–три века позднее, когда культура арабская достигла своего кульминационного развития и когда миссионеры ислама высоко подняли авторитет халифа в глазах кавказских племен» [19, с. 172]. Таким образом, А. Гасанов впервые высказал мысль о длительности процесса исламизации Дагестана и о его основных этапах.

В мусульманском праве все земли по принципу их отношения к исламу и к арабской власти делятся на три крупные категории: *дар ал-ислам* (территория ислама), *дар ас-сулх* (территория мира) и *дар ал-харб* (территория войны) – немусульманские страны, которые находятся за пределами «территории мирного договора», война с которыми во имя ислама считалась священной обязанностью мусульман [24, с. 60–62]. Одновременно принималась во внимание принадлежность покоренного населения к *ахл ал-китаб* (люди Писания, каковыми считались христиане, иудеи, зороастрийцы) или же *кафирам* (неверующие, язычники). Ахл ал-китаб входили в число *ахл аз-зимма* (покровительствуемых), получали гарантию неприкосновенности личности и имущества, но при сохранении условий договора [24, с. 27].

Дагестан относился к категории «территории войны». Договоры арабских военачальников с местными правителями, о которых пишут арабские историки, были как бы дополнением к основной линии, к борьбе с населением «территории войны». В ходе распространения ислама немаловажное значение имела налоговая политика арабов. Она заключалась во взимании хараджа и *джизьи* (подушной подати), а также в организации многочисленных натуральных повинностей¹. Джизья взималась исключительно с иноверцев и представляла собой своего рода вознаграждение завоевателям за проявленную веротерпимость и сохранение жизни этим иноверцам. Размеры подати устанавливались договором [33, с. 65], принятие ислама освобождало от поземельного налога.

Арабский завоеватель Марван обязал население завоеванных земель в Дагестане вносить в зернохранилище Дербента зерно и поставлять ежегодно определенное количество красивых юношей и девушек. Все это, в сущности, рассматривалось как джизья. Арабский историк ат-Табари (ум. 923), рассказывая о событиях 121/738–39 гг., пишет: «Рассказ о событиях этого года. В их числе – поход Хишама ибн Абдалмалика на Византию (Рум) и завоевание Матамира и поход Марвана ибн Мухаммада в страну Владельца золотого трона (*сахиб сарир аз-захаб*). Марван завоевал эти крепости и разрушил его землю. Он повиновался Марвану на условиях уплаты джизьи ежегодно в тысячу душ. Марван взял от владельца заложников (*рахн*) в качестве гарантии этому. После этого Марван утвердил его владетелем его земель» [2, с. 166].

Что касается этнической принадлежности проводников идей ислама, то ими обычно считают арабов, но это верно исключительно для первого этапа, т. е. конца VII – первой половины X в. Миграция арабского населения в Дагестан была фактически продолжением подобного рода политики халифов в других областях, только здесь этот процесс отличался особой масштабностью. Аль-Якуби сообщает о многочисленных переселенцах, в числе которых были рабочие и строители, обосновавшиеся в середине XIII в. в построенных специально для них лагерях вокруг одного из самых крупных городов Кавказа – Дербента [5, с. 446–447; 47, с. 8–9]. «Дербент-наме» свидетельствует об очень важном факторе: Дербент, крупнейший на Кавказе город, стал мусульманским, а в 115/733–34 г. арабский полководец Маслама «обратил большую часть жителей Дербента в ислам и, разделив этих мусульман на семь кварталов (*махалла*), построил для каждой части (таифа) по [отдельной] мечети. Мечеть каждой части он называл по имени [обитающего в ней] племени: первая – Хазарская мечеть, вторая – Палестинская мечеть, третья – Дамасская мечеть, четвертая – мечеть Хамас (Хомсская), пятая – Кайсарская мечеть, шестая – мечеть Джазиры, седьмая – Мосульская. Кроме этих он построил мечеть (Масджид-джами, Джума-мечеть) большую, чем остальные, для пятничного намаза» [3, с. 544]. Имеется ряд сообщений об арабском населении в Дербенте и близлежащих селениях,

¹ О налоговой системе в халифате см. [49, с. 179–180; 48, с. 36–37; 22, с. 11; 24, с. 65, 274–275 (здесь же основная библиография)].

относящихся к XI–XV вв. В каждом квартале города была построена, таким образом, отдельная мечеть. Только одна мечеть была связана не с арабским населением, а с хазарами. Этнический облик арабского населения сохранился в этом районе на столетия. Ас-Масуди писал в середине X в., что «между Хайдаком и ал-Бабом – мусульмане-арабы, которые не говорят хорошо ни на каком языке, кроме арабского» [6, с. 39–40; 34, с. 203].

Строительство в Дербенте грандиозной пятничной мечети в начале VIII в. означало, что Дербент из видного христианского центра (как это было в V – первой половине VI в.) превратился в крупнейший на Кавказе исламский религиозный центр, опорный пункт для распространения в горных районах Дагестана и на всем Северном Кавказе идей ислама и арабо-мусульманской культуры.

Джума-мечеть Дербента – один из самых древних и грандиозных памятников города и самое крупное мусульманское сооружение Кавказа. Это прямоугольное в плане здание, вытянутое с востока на запад, внутренние размеры его основного помещения – 67x17 м. Массивные квадратные в плане колонны делят зал на три части, а между столбами перекинуты стрельчатые арки. Большой стрельчатый купол диаметром более 9 м расположен над квадратным залом, прилегающим к южной стене здания, где находится богато украшенный михраб. В северной стене расположены четыре входа [41, с. 13–138].

Строительство семи квартальных мечетей свидетельствует о быстром изменении этнического облика города и о намерении арабов обосноваться надолго. Дербент (Баб Аль-абваб) с мусульманским, в значительной степени арабским, населением и был основным опорным пунктом распространения ислама в Дагестане.

Арабское население (и как «воины ислама», и как защитники «границ ислама») имело постоянную материальную поддержку. Для них выделялась часть хараджа или джизьи. Как писал ат-Табари, в 126/743–44 г., «когда Марван послал Сабита вместе с Исхаком к жителям Аль-Баба, он послал с ними к этим жителям письмо, в котором он извещал их о делах их пограничной области (*сагр*) и каково вознаграждение им для нужд и их исламских центров (*маракиз*)» [8, с. 1971].

Наряду с арабами немалую роль в упрочении позиций ислама стало играть со временем и местное население. Дербент был полон *гази*ев («борцов за веру»), нередко вербовавшихся из местных деклассированных элементов. Исламские походы в центральные районы Дагестана следовали один за другим, и дербентские *газии* принимали в них самое деятельное участие. Так, в 861 г. правитель Ширвана «сражался с неверными в стране Серир». Его сын Мухаммад продолжал дело отца, «творя правосудие» и ведя «войну против неверных», а сын Мухаммада Хайсам, в свою очередь, «предпринимал множество походов на неверных» [3, с. 46, 47, 65, 70, 83].

Если первоначально арабы занимали по численности основное место в Дербенте, то X в. это положение изменилось. Арабский географ ал-Истархи

(ум. ок. 951–52) указал на многоэтничный облик Дербента: «Иногда жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на остальных языках их гор» [1, с. 113]. Демографическое развитие города шло в сторону все большего роста доли местного дагестанского населения. В 1131 г., когда город посетил арабский путешественник Абу Хамид Аль-Гарнати, в нем были представлены многие языки, в основном дагестанские: «лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, сарирский, аланский, асский, зирихгеранский, тюркский, арабский, персидский» [37, с. 26]. Они соответствуют следующим современным языкам: лезгинский, табасаранский, акушинский и цудахарский диалекты даргинского языка, урахинский (хюркелинский) и кайтагский (хайдакский) диалекты даргинского языка, лакский, аварский, осетинский (аланский и асский), кубачинский, тюркский, арабский, персидский.

Раннесредневековый Дербент был, таким образом, крупным политическим, культурным, идеологическим полиэтническим центром, где многие дагестанцы приобщались к исламу и затем, в свою очередь, выступали его пропагандистами в других районах. Наибольшую активность проявляли «борцы за веру» (*гази*), «добровольцы» (*муттави*), «чтецы Корана» (*курра*) и «пришлые» (*гураба*)². В «исламских центрах», что «вокруг Дербента», жило арабское население, выступавшее и как аванпост при защите Дербента, и как внушительная идеологическая сила.

Дагестанское историческое сочинение «История Ширвана и Дербенда» неоднократно сообщает о роли «борцов за веру», «добровольцев», «чтецов Корана», которые использовались эмирами города в интересах и политической, и идеологической борьбы. Так, Мухаммад ибн Халид, получивший в 851 г. «в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими землями... с помощью газиев ал-Баба... также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербендом» [34, с. 46]. В 912 г. «большое число добровольцев и чтецов Корана», привлеченных ширваншахом и эмиром Дербента, совершили нападение «на неверных Шандана» (примерно на территории союза сельских обществ Акуша-Дарго). Местные жители оказали сопротивление, попытка подчинения и исламизации Шандана провалилась. Правитель Ширвана и эмир Дербента попали в плен вместе с 10 тыс. мусульман. Походы газиев в соседние районы продолжались и в XI в. Благодаря усилиям дербентского эмира Маймуна в 995 г. принял ислам «народ Караха» (т. е. Уркараха) [34, с. 69, 203].

К середине X в. уже во многих прилегающих к городу населенных пунктах, в части Лакза и Табасарана, население было мусульманским, как и правители Табасарана, Хайдака. В Джидане (Хайдаке) мусульманами были только правитель и его семья. Ибн Русте приводит интересную деталь: в городе Хандан (речь идет о владении Хайдак) правитель придерживается трех религий: «по пятницам молится с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям – с христианами». При существовавшей в IX–

² О газиях и об «исламских центрах», их значении и исламизации см. [34, с. 124–125, 163].

X вв. веротерпимости в середине X века в ряде крупных населенных пунктов Дагестана мы наблюдаем сосуществование носителей различных религиозных направлений. Семендер, например, «насеяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан – храмы, а у иудеев – синагоги». Как уже указывалось выше, по данным ал-Масуди (ум. в 956 г.), жители Зерехгерана «исповедуют различные религии: ислам, христианство и иудейство» [34, с. 203]. В работах многих представителей дореволюционной историографии и ряда современных историков исламизационный процесс связывается с именем Абу Муслима, знаменитого арабского политического и религиозного деятеля, сыгравшего выдающуюся роль в сражении Омейядов и в приходе к власти династии Аббасидов в 750 г. В 755 г. он был убит представителями той же династии. ореол «мученика» содействовал еще большему взлету славы Абу Муслима [26, с. 43]. Однако, как известно, Абу Муслим в Дагестане не был [4, с. 214].

Арабские авторы IX–X вв. пишут об арабском полководце из дома Омейядов Масламе ибн Абдалмалике, который неоднократно возглавлял походы на Восточный Кавказ. Местные хроники заменили имя Масламы на имя Абу Муслима. Так, в исторической хронике «История Абу Муслима», рассказывается, что Абу Муслим, сын Саида, построил соборную мечеть в Дамаске, затем завоевал весь Ширван и обосновался в междуречье, под горой, называемой Шах-Албурз. Летом он сражался с жителями области (*нахийя*), называемой Баб ал-кист («Ворота справедливости»)… а зимой – с жителями Баб ал-абваба, называемого Дербент. Затем он построил мечети в Калах-Кура (т. е. Каракюре), Ахты, Рича и Мака (и) назначил всюду своих родственников. Сын его, Султан Ибрахим, «наиб Ширвана, вел со своим войском священную войну (*джихад*) против областей Кумух и Авар (Авария), а также против других селений Дагестана. После этого распространился среди них свет ислама при посредстве знаний и сильных ученых. Там построили много мечетей». Потом он вернулся в Ширван. Внуки Абу Муслима обосновались в Услуге, Микрахе, Курузе (Куруш), Хина (Хнов), Рутуле, Шиназе, Куба, Калхане (Гельхене), Курахе, Рича, мака и в других селениях. Часть же потомков Абу Муслима обосновалась в Ширване, Табасаране, Аварии, Кумухе, Кайтаге, Кубачи, Хучни, Шиназе, Джаре и Тала [4, с. 82–86], т. е. фактически во всем Дагестане и ряде районов Северного Азербайджана.

В «Истории Абу Муслима», вернее, в различных ее списках, даются две даты описываемых там событий. Лишь один из списков дает дату «после» 110/728–29 г., большинство же – «после» 300/912–13 г.

Сохранившийся до сих пор ряд архитектурных памятников и данные эпиграфики ясно показывают, что именно в X в. шел интенсивный процесс строительства мусульманских культовых сооружений, особенно в Южном Дагестане.

Значительная часть мусульманского населения, в т. ч. арабские эмигранты, проживала в районе, близком к Дербенту, в частности в Табасаране. Именно по его территории проходила знаменитая Горная стена (Дагбары),

составлявшая часть Дербентского оборонительного комплекса. В этой стене на определенном расстоянии друг от друга были построены сильно укрепленные форты, где обычно находились арабские воины и их семьи. В мирное время арабы обосновывались и в соседних селениях, становясь частью местной сельской общины (*джамаата*). Строительство мечетей было здесь делом обычным. Но древние постройки не сохранились, как и многие ранние мечети за пределами Дагестана. В Табасаране дожили до наших дней лишь единицы культовых сооружений. Среди них мечеть в табасаранском селении Зиль, что находится в 15 км к северо-западу от Дербента.

Мечеть расположена в 500 м к западу от селения, на возвышенности. Местные жители называют ее «Уллу мечит» («Большая мечеть»). Это однокамерное прямоугольное в плане строение, его внутренние размеры – 13х9 м. Два ряда полуциркульных арок, сложенные из красного обожженного кирпича, делят внутреннее помещение на три равных части. Вход в южной стене, слева от михраба. Стены сильно разрушены, но по сохранившимся деталям можно определить их высоту – 4 м при толщине 60–80 см. Они облицованы «панцирем» из крупных, хорошо обработанных камней, заполненных забутовкой из рваного камня на известковом растворе. Михраб состоит из двух ниш, вынесенных за линию южной стены примерно на 1 м, и облицован снаружи крупными каменными блоками.

Никаких надписей или же сведений о строительстве Большой мечети в селении Зиль не сохранились. Очевидно, во время строительства такие надписи не были сделаны, что значительно затрудняет определение возраста этого интереснейшего памятника дагестанской мусульманской архитектуры. Здесь на помощь приходит красный кирпич, главный строительный материал при возведении деталей здания – из него сложены арки и опорные базы стен мечети. Размер его трафаретный: 27–28х27–28х5 см. Искусствоведы Средней Азии и Азербайджана тщательно изучили кирпич, обнаруженный ими на археологических памятниках, и показали, что каждой эпохе или столетию соответствует особый размер кирпича. В Азербайджане, например, кранный кирпич подобного размера был характерен для строений X–XI вв. Примерно этой датировки (или XI–XII вв.) мы и придерживаемся, когда говорим о Большой мечети селения Зиль.

Зодчие широко пользовались техническими и декоративными возможностями кирпича. В XI в., например, в Средней Азии кирпичные здания не покрывались штукатуркой. В Азербайджане «кладка из обожженного кирпича в основном производилась без наружной и внутренней облицовки (штукатурки). Полная обнаженность конструкции, когда виден каждый кирпич, обязывала к тщательной кладке, которая выполнялась виртуозно» 31, с. 201]. Кирпич зильской Большой мечети также был открыт, только в XIX в. его покрыли штукатуркой, о чем сообщает соответствующая надпись.

Мечеть в Зиле – одно из ранних культовых сооружений Дагестана [45], типичное для строительной практики Кавказа и Средней Азии того време-

ни. Красный кирпич как строительный материал применялся также и при возведении культовых сооружений Дербента и Калакорейша.

Недавно в Табасаране обнаружен еще один из ранних памятников культовой архитектуры Дагестана. Это старинное сооружение в центре селения Хели-Пенджик Табасаранского района – остатки древнего минарета – имело круглую в плане форму, было сложено из крупных, хорошо обработанных каменных блоков размером 80х45х56, 116х53х43 см и построено по сасанидской традиции: то «на образок», то «тычком». Высота сохранившейся части здания – около 2 м, а диаметр – 3 м. Сохранился вход – несколько ступенек винтовой лестницы, идущих против часовой стрелки, как это бывает в минаретах. Последнее обстоятельство и расположение сооружения в северо-западном углу мечети дают право утверждать, что это минарет, причем один из самых старинных, сохранившихся на территории Дагестана. Датировать памятник очень трудно. Дело в том, что подобная кладка из крупных блоков, возможно, была сделана по аналогии с находящимся неподалеку крупным сооружением – фортом при Горной стене, построенным в VI в. (селение Татиль). Строения из крупных блоков встречались также и в соседнем поселении, прекратившем свое существование в XIII–XIV вв., поэтому вопрос о датировке минарета остается открытым: приблизительно это XI–XII вв.

К числу древних памятников культового зодчества Дагестана относятся мечети в селениях Каракюре (Докузпаринский р-н), Фите, Рича, Тпиг и Буршаг (Агульский р-н), Калакорейш (Дахадаевский р-н).

Мечеть Каракюре – старейшая в Дагестане после дербентской Джума-мечети. Само расположение этого древнего селения на берегу р. Самур, на пересечении торговых путей из Дербента и Северного Азербайджана в Южный Дагестан, не могло не оказать благотворного влияния на его развитие и связи с ближневосточным миром. Старожилы Каракюре рассказывают, что первоначально на этой земле было семь армянских, т. е. христианских, селений. С приходом арабских завоевателей в этой местности началось распространение ислама. Для облегчения этого процесса все семь маленьких селений были объединены, и таким образом сложился один крупный населенный пункт – Каракюре. После ухода арабов на родину, продолжает предание, в селении остался только один из них, по имени Шам Шариф, следивший за тем, чтобы жители сохраняли верность новой религии.

Мечеть, расположенная в центре селения, неоднократно разрушалась и восстанавливалась. В первоначальном виде она представляла собой четырехугольное здание, вытянутое с востока на запад. Два ряда колонн (по три в каждом) поддерживали плоскую крышу. Стены были сложены из местного рваного и речного камня, а круглой формы столбы из красного кирпича, впоследствии оштукатуренные, опирались на квадратные базы. Общая высота столбов вместе с базами составляла 3,6 м. Базы столбов были покрыты со всех сторон превосходными растительными и геометрическими орнаментальными мотивами, выполненными в высоком рельефе по штуку [21, с. 14–17, 40–41; 46, с. 97–108].

Как известно, в эпоху Средневежья в мусульманских странах были широко распространены эпиграфические тексты и эпиграфический орнамент. Текст надписей как бы дополнял декоративный узор. То же самое мы наблюдаем при изучении опорных баз каракуринской мечети. Верхнюю часть всех баз опоясывает широкая эпиграфическая лента. Все надписи – на арабском языке, прекрасным почерком *куфи*. Буквы двух размеров – сравнительно высокие и средней величины. Наиболее ярким коранический текст и формула единобожия. Интересно также то место, где упоминается имя или мастера-строителя, или же человека, финансировавшего постройку мечети: «Исхак, сын Хасана, уповаает на Аллаха».

При ознакомлении с каракуринской мечетью поражают разнообразие и совершенство орнаментальных мотивов, изящество, стройность и неповторимость куфических букв. Перед нами один из самых отточенных и искусно выполненных образцов декоративно-прикладного искусства Кавказа. Штукковые рельефы Каракуре являются одними из наиболее известных достопримечательностей подобного рода (памятников культовой и гражданской архитектуры в странах мусульманского мира).

Как известно, IX–XII вв. – время наибольшего расцвета штукковых облицовок в качестве архитектурного декора в странах Ближнего и Среднего Востока (особенно в Иране), в Афганистане, Средней Азии.. Наиболее выдающиеся памятники расположены в Самарре, Афрасиабе, Узгенде, Наине, Мешхед-и Мисриане, Термезе, Рее, Мерве. Большую ценность имеют композиции, палеографические данные надписей и орнаментальные мотивы памятников Самарры (Ирак, IX в.), Балха (Афганистан, IX–X вв.), соборной мечети в Наине (Иран, начало X в.), михраба мечети Шир-Кабир (Северный Хорасан, IX–X вв.), Самарканда (X в.) и др. [46, с. 97–108].

Каракуринские опорные базы и их декоративное панно включают в себя целый комплекс орнаментальных мотивов памятников резьбы по штукатурке VIII–X вв. на территории Ирана, Хорасана, Мавераннахра. Они отражают оживленные историко-культурные контакты народов Кавказа, Ближнего и Среднего Востока [46, с. 97–108]. В селении Кочхюр (Курахский р-н) имеется арабская строительная надпись X в. В селениях Ахты (Ахтынский р-н), Рича (Агульский р-н), Кумух (Лакский р-н) сохранились надписи о строительстве мечетей Абу Муслимом, но выполнены они были в XIX в. при реставрационных работах.

Таким образом, через триста лет после появления первых мусульман территория распространения ислама в Дагестане ограничивалась прибрежной полосой от Дербента до Семендера, Южным Дагестаном, включая Табасаран, землями до среднего течения Самура и Чирахчая, а часть населения оставалась верной языческим религиозным представлениям³.

Вторая половина X в. – переломный момент с истории исламизации Дагестана. Шествие ислама происходило на фоне дальнейшего усиления социальных противоречий в дагестанском обществе, покровительственной

³ Общий обзор см. [25, с. 195–200].

политики завоевателей – сельджуков, монголов (начиная с конца XIII в.), Тимура и, что особенно важно, на фоне постоянно растущих контактов Дагестана с ближневосточными странами.

К концу X в. мусульманами становятся «покоренные арабами-корейшитами обитатели ряда сел, расположенных по Шалбуздагу» [10, с. 26]. Еще в 995 г. новые идеи восприняли, как уже указывалось, даргинцы – жители Уркараха и ближайших селений. В течение второй половины X – XII в. ислам приняло население всего бассейна Самура, Гюльгеричая, верховьев р. Буган. Ярким свидетельством этого являются памятники эпиграфики – эпитафии и строительные надписи этого региона, относящиеся к X–XIII вв. Старейшие надписи X в. зафиксированы в селениях Каракюре Ахтынского района, Ихрек и Гельмец Рутульского района, Фите Агульского района.

Фитинская мечеть построена, возможно, одновременно с мечетью Каракюре. Она сохранилась в первоначальном виде. Это невысокое здание словно растворилось среди жилых домов селения, не отличаясь ни своими размерами, ни внутренней отделкой. Однако деревянный портал, украшенный резными орнаментальными мотивами, имеет превосходную куфическую надпись, выполненную в низком рельефе.

Дагестанские надписи по дереву совершенно не изучены, но можно предположить, что надпись мечети селения Фите – одна из древнейших на Восточном Кавказе. Она может быть отнесена к X–XI вв., но это предварительная датировка, основанная на сравнении с надписями по штуку в мечетях Каракюре в Дагестане и Наине в Иране. Красивое вычурное куфическое письмо выполнено в своеобразном стиле – буквы снабжены растительными мотивами, и таким образом поле с надписью полностью заполнено.

В селении Цахур в верховьях Самура в конце XI в. было построено медресе. Закарийа Аль-Казвини пишет о жителях Цахура: «... есть у них проповедник (*хатиб*), который молится вместе с ними, и судья (*кади*), который разбирает споры между ними согласно учению имама аш-Шафии. Все жители города (*мадина*) – шафииты. В городе имеется медресе, которое основал Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак, при медресе имеется учитель (*мударрис*) и *факихи*» [9, с. 404–405; 41, с. 110].

Дербент продолжал функционировать как крупный идеологический центр. Известные пограничные посты арабов превратились в исламские центры (*ал-маракиз ал-исламийа*). Эти посты эволюционировали в «суфийские центры обучения и практики», т. е. в суфийские *рабаты*. Отсюда становится понятным статус и роль гази, населявших эти центры, в процессе исламизации [11, с. 12; 23, с. 20, 33, 44, 63–64, 96]. Выявлена специфика и механизм исламизации региона, которая в широких масштабах проходила в рамках суфизма [11, с. 12]. Важную роль играло также и то обстоятельство, что в X–XI вв. Дербент был не только религиозным, но и крупным духовным центром, где уже сложились устойчивые традиции фикха, хадисоведения, суфийской и исторической литературы [11, с. 14].

С городом связаны имена многих выдающихся деятелей науки и просвещения. Здесь прошла жизнь Ахмада ибн Аль-Хусайна ал-Гадаири (ум. в сер. XI в.) – верховного кади (кади ал-кудат) и главы шиитской общины города, покровительствовавшего многим ученым. Двое его сыновей занимали должности квартальных судей Дербента. В юности они обучались мусульманскому праву у местного шафиита Абу Абдаллаха Аль-Хусайна Аль-Лакзи, отец которого – Абу Абдаллах Аль-Гадаири (ум. 1020) был автором ряда книг и духовным наставником многих известных представителей шиитского ислама. У Ахмада ибн ал-Хусайна и его сыновей было много учеников и последователей. Учился у них и Мухаммад ад-Дербенди, один из крупных теологов-ашаритов и мистиков. Мухаммад ибн Мусса ибн ал-Фарадж Абу Бакр аш-Шафии ас-Суфи ад-Дербенди (ум. в первой пол. XII в.) родился в Баб ал-абвабе (Дербент), образование получал в Дербенте, Химейди, Курахе, а затем во многих ближневосточных городах (Амуде, Мекке, Медине, Багдаде, Исфахане и др.). Вернувшись в Дербент, он основал собственный маджлис. Ад-Дербенди вошел в историю науки как автор наиболее значительного из дошедших до нас памятников раннего суфизма на Кавказе. Его сочинение «Райхан Аль-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей») представляет собой энциклопедический словарь суфийского *адаба* – кодекса правил, норм и обычаев. С Дербентом также связана творческая деятельность Юсуфа ибн Аль-Хусайна Аль-Факиха Аль-Баби Аль-Лакзи (ум. до 1089–90 г.), известного историографа династии Аглабидов, правителей Дербента, и знатока хадисов, шафиита по мазхабу. Упомянутый выше Абу Бакр Мухаммад ад-Дербенди был одним из его учеников. Возможно, что именно его проаглабидский исторический труд послужил протографом «Дербендаме», составленного в XVII в. Мухаммадом Араби Акташи. Придворным историографом Хашимидов, правителей Дербента, был Маммус ибн Аль-Хасан ад-Дербенди Аль-Лакзи (прибл. 1040–1110), знаток хадиса, один из влиятельнейших шейхов города. Он учился во многих городах Халифата (Самарканд, Бухара, Багдад и др.), его учителем был выдающийся историк, автор многотомной «Истории Багдада» Аль-Хатиб Аль-Багдади, который, в свою очередь, учился у отца Аль-Лакзи – знаменитого историка, знатока и преподавателя хадисов Абу-л-Валида Аль-Хасана ибн Мухаммада ад-Дербенди Аль-Балхи ас-Суфи (ум. 1064). Есть основание утверждать, что Маммус Аль-Лакзи был автором хроники «Тахир Баб Аль-абваб ва-Ширван» («История Дербента и Ширвана»)⁴.

В исламизации Дагестана значительную роль сыграл тюркский элемент. В.В. Бартольд отмечал, что «победа тюркского элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры» [15, с. 19]. В XI–XIII вв. тюркское влияние в Дербенте было значительным. В 1075 г. во время проповедей (*хутба*) с кафедры мечетей «пограничной области» стало звучать имя султана Сау-Тегины [34, с. 79]. Власть сельджуков продержалась здесь до

⁴ Все эти сведения взяты из указанных выше статей А.К. Аликберова, помещенных в книге «Ислам на территории бывшей Российской империи».

первой половины XII в. Сельджуки настойчиво и упорно проводили идеи ислама, который был государственной религией их державы. Как писал Аббас-Кули Бакиханов, «при них-то многие племена горцев приняли ислам» [14, с. 69].

Походы монголов первоначально отрицательно сказались на положении мусульманского духовенства и позициях ислама в Дербенте, но впоследствии, когда правители монгольских государств (держава Хулагуидов и Золотая Орда) сами приняли ислам, ситуация резко изменилась. Ширваншахи также придавали большое значение строительству и восстановлению культовых сооружений. В 770/1368–69 г. была восстановлена Джума-мечеть в Дербенте [28, с. 120]. С именем Ширвахшаха Фарруха Ясара (1462–1500) связано строительство здания медресе при дербентской Джума-мечети «для учащихся, которые будут в ней получать знания по шариатским наукам до конца света» [36, с. 85; 28, с. 143; 13, с. 261]. По имени основателя она получила название Аль-Фаррухия [13, с. 261].

Исламизационный процесс в Кумухе также был сложным и длительным. Согласно исторической традиции и надписям на камнях (правда, эти надписи – копии с предыдущих, не сохранившихся), ислам в Кумухе был принят первоначально еще в VIII в. [20], что вполне вероятно. В 1064 г., как сообщает «История Ширвана и Дербенда», «гумикские неверные» напали на селение Аль-Баба, убив при этом «много мусульман» [34, с. 72]. Согласно сведениям курдского писателя начала XII в. Масуда ибн Намдара, жители Кумуха окончательно приняли ислам в конце XI в., и событие это произошло благодаря активному содействию мусульманского Ширвана [7, с. 24, 131–132, 138–140]. Как известно, в X–XII вв. Ширван усиливается и оказывает значительное политическое и экономическое влияние на Южный Дагестан [25, с. 210–214; 44, с. 175–178]. В конце XI в. Ширваншах писал жителям Кумуха (Гумик): «Вы изъявили желание быть приверженными безопасности и насытиться верой, а кто ищет защиты у Аллаха, того он ведет прямым путем... Поспешите – да поведет вас Аллах прямым путем... спешите получить наше одобрение... Вы знаете о том, что, когда вы примете ислам, вы будете спасены; когда вы начнете верить, вы будете в безопасности» [7, с. 131–132, 138–140]. Посредниками в этом процессе были «жители некоторых населенных пунктов Аль-Лакза» [7, с. 131–132, 138–140].

В XII–XIII вв. позиции ислама в Кумухе и в других лакских селениях значительно усиливаются, может быть, именно в это время жители Кумуха получили почетный титул «гази» – «воителей за веру». Возможно, что это было связано также с усилением тюркского влияния, ибо «гази» – тюркский термин [27, с. 15]. Повсеместное усиление тюркского элемента при монголах общеизвестно.

Золотоордынские ханы в поисках путей усиления торговых и политических связей со странами Ближнего Востока стали придавать большое значение Восточному Кавказу. Религиозный фактор играл здесь немаловажную роль. Хан Берке (1255–1266) и его последователи активно поддерживали ислам на всей территории Дагестана, дав значительные привилегии

купцам и торговым людям. Исламский фактор искусно использовался в борьбе против Хулагуидов, убивших халифа и уничтоживших ряд мусульманских городов [40, с. 74]. В 661/1283–84 г. ислам принял хан Туда-Менгу (1237–1280), а за ним и Узбек (1312–1342), причем в Сарай-Берке, столице Золотой Орды, было 13 мечетей [40, с. 306]. Как сообщает арабский историк Ибн Касир, «Узбек-хан... провозгласил исповедание ислама и убил... многих неверных» [40, с. 277]. Начиная с Узбека, все золоордынские ханы были мусульманами [18, с. 205].

Важно то обстоятельство, что во власти золоордынских ханов был в это время не только Дербент, но и северные равнинные земли. К хану Менгу-Темиру (или Менгу-Тимуру, 1266–1282) перешло господство над «странами северными, тюркскими и кипчакскими, Железными воротами и теми, что к ним прилегает». В лице правящей верхушки Золотой Орды мусульманское духовенство Северного Кавказа и Поволжья нашло политическую поддержку. В свою очередь, и представители духовенства Дагестана также играли немаловажную роль в религиозной жизни Золотой Орды. В ее столице – Сарай-Берке, как сообщает известный арабский путешественник Ибн Батута (1303–1377), «среди шафиитских мударрисов имеется факих, достойный имам Садраддин Аль-Лакзи, один из превосходных людей» [40, с. 124; 38, с. 394], выходец из Лакза, одной из областей Дагестана.

Исламизация даргинских обществ, начавшаяся в конце X в., впоследствии проходит усиленными темпами, постепенно проникая в самые отдаленные области. Большое количество надписей XI–XV вв. (в том числе и куфических) найдено в Уркарахе, Калакорейше, Ашты, Варсите, Худуце, Амухе, Кубачи, Джибахни и других населенных пунктах, что свидетельствует об интенсивном процессе исламизации даргинского общества. Важнейшим идеологическим центром Кайтагского уцмийства стало селение Калакорейш с его знаменитыми культовыми сооружениями. В селении в XII–XIII вв. был создан выдающийся памятник резьбы по штуку – михраб главной мечети селения.

Калакорейшская мечеть с превосходными михрабом вошла в историю культуры как замечательный памятник культового зодчества и декоративно-прикладного искусства мусульманского мира [21, с. 96–109]. Мечеть Калакорейша представляет собой прямоугольное в плане здание, внутренние размеры которого – 11,5x9 м. Четыре фигурных каменных столба, расположенных в два ряда, несут прочные деревянные балки, поддерживающие перекрытие. Опорные столбы состоят из трех отдельно изготовленных частей, не повторяющих друг друга по своей форме. Эти каменные сооружения уникальны не только по композиционному решению. Они представляют собой едва ли не единственный случай в дагестанской строительной практике, когда мастера отказывались от использования деревянных столбов, рваного камня или кирпича.

Но настоящее украшение мечети, принесшее ей широкую славу, – ее штуковый михраб. Он имеет высоту 3,2 м, состоит из двух ниш с архивольтами, украшенными куфическими надписями. По контуру михраба идет П-

образная рама с надписью в стиле «цветущего» куфи. Изящные куфические буквы, расположенные по периметру, имеют крупный размер – 36–41 см. Часть текста в верхней и левой полосах повреждена, но чтение сохранившегося куска помогает полностью восстановить весь текст, поскольку надпись представляет собой *басмалу* и отрывок из так называемого «Престольного стиха» из Корана.

Композиция штукowego михраба и его орнаментальные мотивы имеют большое сходство с композицией михраба мечети Пир Хусейна на р. Пирсагат (1256 г.) в Азербайджане, а в надписях можно найти аналогии с надписями XII в. на камне из селения Татиль в Дагестане. Это позволяет датировать михраб Калакорейша XII–XIII вв.

Относительно исламизации ряда сел и обществ имеются достоверные письменные известия. Усилиями прибывшего из Ирана шейха Хасана Сухраварди в 1306 г. были обращены в ислам жители Кубачи [10, с. 18]. В начале XIV в. в селении Ашты (Дахадаевский р-н) была построена Б. з. р. (вар.: Б. з. ц.) *шамхалом*, т. е. правителем Газикумуха, мечеть «для людей зирихгеранских, когда они перешли в ислам от неверия» [46, с. 376]. Очевидно, это были последние даргинские (в данном случае – кубачинские) селения, принявшие ислам. В XV в. число сообщений о строительстве культовых сооружений или о мемориальных текстах в даргинских селениях значительно: надписи на могильных камнях XIV–XV вв. из Ашты, сообщение о строительстве зерехгеранской соборной мечети в 890/1485 г., надпись на дереве из селения Ашты о строительстве мечети в 901/1495–96 г. и т. д. Описанные нами выше мечети Каракюре, Калакорейша, Фите – самые древние (после Дербента) из сохранившихся культовых сооружений Дагестана. Кроме того, в них сохранились наиболее ранние образцы резьбы по штуку и дереву, выполненные в стиле куфи. Все описанные выше культовые здания, в т. ч. и Джума-мечеть Дербента, не имеют минарета. Очевидно, в первые века ислама в дагестанских селениях строительство минаретов не практиковалось, да и само здание соответствовало местным строительным канонам, не выделяясь среди обычных жилых домов. Если судить по эпиграфическим памятникам, то самый ранний минарет относится к 557/1161–62 г. Более ранних сведений об этом в нашем распоряжении нет. Кстати, и после XII в. в ряде случаев минарет не строился. В XIV–XIX вв. он отдельно пристраивался к северо-западному углу более древнего здания мечети, поэтому нередко эти сооружения имеют разные датировки.

Выше мы уже писали о той большой поддержке, которую золотоордынские ханы после принятия ими ислама оказывали мусульманскому духовенству. Однако этому предшествовал другой период – время безжалостного уничтожения мусульманских культовых сооружений. В этом отношении характерна судьба мечетей XII–XIII вв. в селениях Хив (Хивский р-н) и Рича (Агульский р-н). От первой сохранились уникальные по своему многообразию каменные базы деревянных столбов, а от второй – деревянные конструкции тончайшей работы. Монгольский отряд, проникший в 1239 г. в горы, разрушил до основания хивскую мечеть, как и мечеть в селении Рича. Кстати, к обоим мечетям позднее были пристроены минареты.

Селение Рича расположено высоко в горах, на правом берегу р. Чирахчай. В 1239 г. монгольский отряд, обосновавшись сначала в Дербенте, проник далеко во внутренние районы Южного Дагестана, и вслед за разрушением хивской мечети, прошел километров пятьдесят на запад. После ожесточенных боев, длившихся двадцать пять дней, монголы захватили селение Рича и разрушили главную мечеть. Об этих драматических событиях рассказывают две надписи, ныне сохранившиеся в стене мечети [28, с. 83], согласно которым, соборная мечеть Рича была разрушена в ноябре 1239 г., а восстановлена в июне или июле 1250 г.

В Рича три квартальные и одна соборная мечеть. Большая ричинская мечеть сложена из грубо обработанного местного камня, стоит на крутом склоне горы и резко выделяется среди других зданий внушительными размерами и особенно высоким, стройным минаретом. Обширный зал мечети имеет высоту 4 м. Особый интерес в архитектурно-художественном отношении представляют деревянные детали: десять внутренних столбов, наружные двери и окна нижнего яруса. Г.Н. Любимова, впервые исследовавшая этот памятник, писала: «Десять разных деревянных внутренних столбов ричинской мечети – уникальные произведения народного искусства: они различны как по форме, так и по характеру орнаментальной обработки. Здесь и столбы без подбалок... и столбы с фигурными подбалками» [29]. Эти отличия можно объяснить. Согласно преданию, они были подарены жителям Рича представителями нескольких селений. Относительно возраста деревянных столбов мнения ученых резко расходятся: XI–XII, XVIII, и даже XIX век. Первая датировка наиболее убедительна, так как подтверждается анализом стиля резьбы по дереву и содержания куфических надписей: «Царство принадлежит Аллаху, единому...»; «О Мухаммад, о Али, о Хасан» (вар.: «Мухаммад, сын Али, сына Хасана», но первое чтение предпочтительнее).

К северо-западному углу мечети примыкает круглый минарет, завершающийся башней с кубическим низом и цилиндрическим верхом. Он также сложен из грубо обработанного камня, имеет высоту более 18 м и возвышается над всем селением.

Мечеть и минарет построены в разные годы. Мечеть обоснованно относится учеными к XI–XII вв., минарет же многие из них датируют XVIII или XIX в. В действительности же, он воздвигнут гораздо раньше, поскольку в стене мечети имеется арабская надпись, рассказывающая о реставрации минарета в 1085/1674–75 г.

В стену ричинского минарета вмонтирован камень с арабской надписью, рассказывающей о двадцатидневной борьбе жителей Рича и соседних селений против монголов, которые разрушили Рича в середине ноября 1239 г., и о том, что после этого, летом 1241 г., построена «эта крепость» по приказу местного правителя [28, с. 81]. Надпись о строительстве крепости в середине XIII в. оказалась в стене минарета, отреставрированного в XVII в.

С появлением на политической арене фигуры Тимура ислам нашел в его лице еще большую опору. В борьбе против своего противника Тохтамыша, с которым он столкнулся в 80–90-х годах XIV в., Тимур поддерживал мусульманское духовенство, искусно используя его морально-этнический авторитет. Как писал В.В. Бартольд, для Тимура религия была орудием для дости-

жения политических целей, он покровительствовал законооведам, «беседовал с ними, как с равными, и относился с особым уважением к потомкам Пророка» [16, с. 45–46]. Это особенно ярко видно на примере Дагестана.

В конце XIV в. в Кумухе под знаменем ислама велась борьба кумухского шамхала с «неверными» соседних областей. Историограф Тимура Низамаддин Шами писал, что «у области Гази Кумуклук и войска Аухар был обычай, что они каждый год и месяц сражались с неверными». Будучи в Дагестане, Тимур поддержал «газикумухских и аухарских» представителей власти (*калантаров*), дал им наставление «всегда воевать с врагами веры и держать меч для утверждения ислама» [41, с. 124, 127]. К концу XIV в. ислам в Аварии уже занял прочные позиции и сделался государственной религией. Сам процесс исламизации центральной Аварии также происходил в середине XIII в. [43, с. 205–206]⁵, а в конце XIII – начале XIV в. Хунзах превратился в центр распространения и утверждения ислама в соседних, западных аварских обществах. Дагестанские археологи обнаружили на Аркасском городище (Буйнакский р-н) остатки медресе и двух мечетей, датируемых серединой XIII – началом XIV в. [12] Аркас был одним из крупных средневековых городов Дагестана, значительным центром. Здесь жил известный шейх Асилдар Аркаский (ум. в 806/1404–04 г. или, по другим данным, в 860/1404–04 г. или, по другим данным, в 860/1456 г.), трижды совершивший хадж и происходивший, как рассказывают, из курайшитов [35, с. 14–15]. Ко времени похода Тимура (конец XIV в.) ислам уже, несомненно, стал господствующей религией в даргинских землях, а Тимур еще более укрепил его позиции. В этом отношении значительный интерес представляет недавно обнаруженная в селении Муги арабская рукопись «ал-Ваджиз» (сочинение по мусульманскому праву), принадлежащая перу одного из крупнейших мыслителей мусульманского Средневековья Аль-Газали (ум. в 1111 г.). Книга переписана в 709/1310 г. и была, как в ней отмечено, в 791/1389 г. вручена Тимуром назначенному им вали селения Муги (Муха), чтобы тот «руководствовался ею при управлении среди населения по справедливости и беспристрастию» [46, с. 12].

В XV в. (1485 г.) общество Гидатль также стало мусульманским благодаря деятельности хаджи Удурата. Существует предание о том, что общество Карах приняло ислам за сорок лет до гидатлинцев и что к этому времени перешли в ислам цунтинцы [44, с. 203–209]. Совместными усилиями Гидатля, Кумуха и Хунзаха предание приписывает исламизацию багулалов и чамалалов [30, с. 209]. В XVI в. ислам окончательно утвердился в Дагестане.

Примерно в XVII в. началась новая полоса исламизационного процесса, когда шариатские установления постепенно укрепляли свои позиции за счет норм обычного права, широко распространенных в средневековом дагестанском обществе.

⁵ В исторической литературе высказано мнение, что «не позднее начала XIII в. в центральной Аварии ислам становится государственной религией», см. [10, с. 28].

Литература

1. Al-Masalek wal Mamalek by Istahry re-edited by Mohammed Jabir Abd al-Aal el-Hini. – Cairo, 1961.
2. Annales quos scripsit Abu Djafr Mohammed ibn djarir at-Tabari cum aliis... Ed. M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, series II.
3. Derbend-Nameh, or the Histori of Derbent / Trans. and expl. by Mirza A. Kazem-Beg. – SPb., 1851.
4. *Khanikoff N.* Memoires sur les inscriptions musulmanes du Caucase // Journal Asiatique. Ser. 5. 1862. Т. 20.
5. Kitab al-boldan auctore Ahmed... ibn Wadhihal-Katib al-Jaqubi. – Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII).
6. *Macoudi.* Les Prairies d'or. Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. – P., 1863. Т. 3.
7. *Minorsky V. et Cahen Cl.* Le Recueil transcaucasien de Macud b. Namdar // Journal Asiatique. 1949. Т. 237.
8. Tabari II.
9. *Zakarija Ben Mohammad.* Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Hrsg. von F. Wüstenfeld. – Göttingen, 1848, Bd. 1.
10. *Айтберов Т.М.* О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и пропагандиста. – Махачкала, 1988. № 15.
11. *Аликберов А.К.* «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» Мухаммада ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. н. – СПб., 1991.
12. *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культовые сооружения Дагестана // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. – Махачкала, 1989.
13. *Аишурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). – Баку, 1983.
14. *Бакиханов Аббас-Кули-Ага.* Гюлистан-и-Ирам. – Баку, 1991.
15. *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов. – Ташкент, 1928.
16. *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. Т. 2. – М., 1964.
17. *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 1. – М., 1989.
18. *Босворт К.Э.* Мусульманские династии / Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. – М., 1971. – С. 205.
19. *Гасан Эфенди Алкадари.* Асари Дагестан / Пер. и коммент. А. Гасанова. – Махачкала, 1929. – С. 172.
20. *Гусейнаев В.Ф.* Архивные сведения о трех арабских надписях из Кумуха // Источниковедение средневекового Дагестана. – Махачкала, 1986.
21. *Дебиоров П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. – М., 1966.
22. *Заходер Б.Н.* История восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). – М., 1944.
23. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. – М., 1998. (ст. А.К. Аликберова «ал-Варрак», «ал-Гада'ири», «ад-Дарбанди», «ал-Лакзи, Йусуф», «ал-Лакзи, Маммус», «ал-Фука'и»).
24. Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.

25. История Дагестана. Т. 1. – М., 1967.
26. *Кадырова Т.К.* К изучению идеологии народных движений в Средней Азии VIII–IX вв. // *Общественные науки в Узбекистане.* – Ташкент, 1967. № 4.
27. *Крачковская В.А.* Надпись бронзового таза Бард-ад-дина Лулу // *Эпиграфика Востока.* Т. 1. – М.–Л., 1946.
28. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. – М., 1966.
29. *Любимова Г.Н.* Культурные постройки агульских селений Дагестана // *Памятники культуры. Исследование и реставрация.* – М., 1961. № 3.
30. *Малачиханов Б.К.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // *Ученые записки Института ИЯЛ. Серия историческая.* Т. XIV. – Махачкала, 1969.
31. *Мамед-заде К.М.* Строительное искусство Азербайджана. – Баку, 1983.
32. *Массэ А.* Ислам. – М., 1962.
33. *Медников Н.А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов (по арабским источникам). Ч. I. – СПб., 1903.
34. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. X–XI вв. – М., 1963.
35. *Назир ад-Дургали.* Нузхат ал-азхан фи-тараджим улама Дагестан // *РФ Института ИАЭ. Фонд М.-С. Саидова.*
36. *Нейматова М.Х.* К истории изучения Ширвана XIV–XV веков. – Баку, 1959. (на азерб. яз.).
37. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М., 1971.
38. Рихлат Ибн Батута ал-муссама ан-Назар фи гараиб ал-амсар... – Бейрут, 1405/1985. Т. 1. (на араб. яз.).
39. *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении) // *Восточные источники по истории Дагестан.* – Махачкала, 1980.
40. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.–Л., 1941. Т. 2.
41. *Ханмагомедов С.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. – М., 1979.
42. *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // *Источниковедение истории досоветского Дагестана.* – Махачкала, 1987.
43. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. – Махачкала, 1969.
44. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. Ближний Восток и Грузия. – Тбилиси, 1991.
45. *Шихсаидов А.Р.* О некоторых памятниках средневековой культуры Дагестана // *Художественная культура средневекового Дагестана.* – Махачкала, 1987.
46. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. – М., 1984.
47. *Якуби.* История / Текст и пер. с араб. П.К. Жузе. – Баку, 1927 (рус. пер.).
48. *Якубовский А.Ю.* Восстание Муканны // *Советское востоковедение.* Т. 5. – М.–Л., 1948.
49. *Якубовский А.Ю.* Ирак на грани VII–IX вв. // *Труды I сессии арабистов.* – М.–Л., 1937.